

АРМЯНО-СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

ЛЮДВИГА САРАДЖЕВА

Сравнительно-исторический анализ лексики таких генетически близких языков, какими являются армянский и славянские, в конечном счете имеет основной целью воссоздание ранней предыстории армян и славян (и в целом народов, говоривших на диалектах общиндоевропейского языка) и в связи с этим выявление первичных реалтий, в частности, производственной деятельности, семейных отношений и т. д.

Общая картина жизни индоевропейского общества не может быть полной без разностороннего и детального анализа генетически общей ремесленной терминологии, отражающей такие сферы хозяйственной деятельности, как строительство жилищ, изготовление орудий труда, одежды, посуды и т. д. Однако именно здесь исследователь наталкивается на трудности объективного и субъективного характера.

В эпоху индоевропейской глоттоформной общности древнейшее ремесленное производство еще не выделилось как самостоятельная отрасль труда и было связано со всей жизнью индоевропейского общества, в том числе с животноводством, земледелием, средствами передвижения (ср. и.-е. **iugom* „ярмо“, **arətróm* „рало, соха“, **gʷṛnā* „жернов“, **uogʰhos* „повозка“, **aksis* „ось“, **dhug-* „дышло“ и т. д.) В эпоху общности не было достаточной дифференциации и в самом ремесленном производстве. Древнейшие памятники индоевропейской письменности повсюду показывают почти полное отсутствие разделения труда: ср. лат. *texō* «тку, плету, строю»; в Ригведе слово, обозначающее ремесленника,—*takṣan*, соединяет в себе плотника, тележника и столяра, гомеровское название *tékton* «плотник, строитель (кораблестроитель), каменотес и даже целитель болезней—врач». Поэтому одни и те же термины в разных языках нередко обозначают различные сферы деятельности. На этом основании не всегда возможно разграничить как общие значения от специальных, так и раскрыть степень специализации того или иного термина, а также степень их генетической близости.

Это обстоятельство с неизбежностью расширяет рамки исследования. Однако такое широкое рассмотрение проблемы не представляется целесообразным, тем более, что часть ее освещена нами в связи с рас-

смотрением глаголов движения, земледельческой и животноводческой терминологии в армянском и славянском языках.¹

К сожалению, рамки журнальной статьи не позволяют нам рассмотреть все группы ремесленной терминологии, связанной а) со строительством и жилищем; б) ткачеством и изготовлением одежды; в) гончарным искусством и изготовлением посуды.² В силу вышеуказанных объективных причин дальнейший анализ будет ограничен рассмотрением армяно-славянских параллелей в области строительной терминологии.

Для успешного генетического анализа армянской и славянской ремесленной терминологии и, в частности строительной, необходимым условием является наличие соответствующих исследований общего и частного характера, освещающих, с одной стороны, индоевропейскую, с другой, — армянскую и славянскую ремесленную терминологию. Однако положение дел оставляет желать много лучшего. Для своего времени классическим исследованием индоевропейской терминологии ткачества явилась книга О. Шрадера под названием «Историко-лингвистические исследования по истории торговли и товароведению», вторая глава которой была посвящена технике прядения и ткачества.³ Об индоевропейской ремесленной терминологии без детального анализа говорится и в общей работе О. Шрадера по индоевропейскому сравнительному языкознанию.⁴ Современным исследованием является монография Дж. Лейна «Лексика одежды в основных индоевропейских языках».⁵ Обобщающего же исследования по индоевропейской ремесленной терминологии фактически нет. Что же касается армянской ремесленной терминологии индоевропейского происхождения, то она не изучена вообще. Намного лучше положение дел в области исследования славянской ремесленной терминологии, в особенности с выходом моно-

¹ Л. Сараджева, Сравнительно-типологическое исследование индоевропейских глаголов движения в древнеармянском и старославянском языках (*ՀԱՅԻՐԱՐԻՔ*, 1975, № 3); ее же, К вопросу о диалектном варьировании индоевропейской земледельческой терминологии (*ՀԱՅԻՐԱՐԻՔ*, 1980, № 1); ее же, Животноводческая терминология индоевропейского происхождения в армянском и славянских языках (*Հայաստան-սլավոնական հանգանակ*, 1980, № 1).

² Нами не затрагивается вопрос о кузнечном искусстве, так как ни в армянском, ни в славянском нет ни одного общего названия металлов и процессов, связанных с их обработкой. Подробно см. нашу статью: Л. А. Сараджева, Об армяно-славянских лексико-семантических изотлоссах (*Հայերեն-սլավոնական համալսարանիկ*, 1974, № 3), ср. также Л. А. Гявдин, Некоторые ареальные характеристики хеттского I («Этимология 1970». М., 1972, с. 273).

³ O. Schrader, *Linguistisch-historische Forschungen zum Handelsgeschichte und Warenkunde*, Tl. I, Jena, 1886, S. 172.

⁴ О. Шрадер, *Сравнительное языковедение и первобытная история*, СПб., 1886.

⁵ G. Sh. Lane, *Words for clothing in the principal Indo-European languages. Language dissertations published by the linguistic society of America*, N IX, Baltimore, 1931.

графии О. Н. Трубачева,⁶ однако и здесь нет обобщающей работы, которая бы охватила все области ремесленного производства.⁷

Естественно предположить, что по характеру потребностей индоевропейского общества. наибольшее развитие должны были получить строительство, а также домашние ремесла, производящие одежду, посуду, сельскохозяйственные орудия и т. д. Это было производство лишь для собственных нужд, а не для обмена, хотя в зачаточной форме какие-то элементы натурального обмена и существовали. принимая характер обмена подарками (ср. и.-е. *do- „давать“, арм. тиг, ст.-сл. даръ, греч. δῶρον, др.-инд. dānam, лат. donum „дар, подарок“).⁸

В специальной литературе много раз ставился вопрос: что возникло раньше—жилище или одежда? Судя по тому, что ряд отсталых племен совершенно или почти совершенно не знал одежды, тогда как этнографии не известно ни одно хотя бы самое отсталое племя, которое не знало бы жилища, поставленный вопрос решается, по-видимому, в пользу жилища.⁹

О том, что индоевропейцы использовали не только естественные укрытия, но и сами сооружали жилище, свидетельствуют, с одной стороны, общие термины, связанные со строительством, с другой—определенное количество терминов, обозначающих части дома. В общиндоевропейском языке—основе имелся корень, обозначавший процесс строительства, *dem- «строить», производное образование *dom- «дом, жилище», которое получило распространение почти во всем индоевропейском регионе, включая армянский и славянские языки: ср. арм. tun «дом», прасл. *domъ (во всех славянских), лат. domus «дом, жилище, семья», греч. δῶμος, др.-инд. dāmañ «дом».

По характеру основы можно выделить следующие ареалы: а) по атематическому характеру корневого гласного: армяно-греко-индоиранский; ср. арм. tun. род. п. tan, греч. δῶρι, др.-инд. (patir)-dan «(хозяин) дома», авест. Loc. dam, dami «дома»; б) с и-основой армяно-слаго-латинский.¹⁰ В армянском древняя и-основа проявляется в словосложении tanñter «хозяин дома», прасл. *domъ, а также прилагательное

⁶ О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках, М., 1966.

⁷ Из специальной литературы отметим: А. Порпе, Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV ww. Warszawa-Kraków, 1962; G. V. Schulz, Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler, Berlin-Wiesbaden, 1964 («Slavistische Veröffentlichungen», Bd. 30); J. Basara, Terminologia budownictwa wieskiego w dialektach Polskich, cz. I, Dom mieszkalny, Warszawa, 1964.

⁸ Ср. В. В. Иванов, Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен («Славянское и балканское языкознание», М., 1977, с. 50—78).

⁹ Ср. М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, с. 82.

¹⁰ G. R. Solta Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen, Wien, 1960, S. 209 (далее-Solta).

*domovъ «домовой» — чистая и-основа, лат. domus < и.-е. *domos. Некоторые исследователи относят сюда и др.-инд. dāmū-pā «хозяин дома»;¹¹ в) основа на-о представлена древними параллельными формами в др.-инд. dāmañ «дом» и греч. δῶμος < и.-е. *domos (сюда же относятся и отдельные формы словозменения: лат. domus: ср. Abl. sing. domo, Acc. pl. domos при Gen. sing. domus). Вполне вероятно, что лит. pāmas «дом» диссимилировано из и.-е. *damas (и.-е. *domos)¹². В греческом, германских, а также лидийском представлены и вербальные формы от и.-е. dem- «строить»: ср. греч. δῆρμι «строить», готск. timrjan «воздвигать, строить»¹³, лид. tam- «строить».¹⁴

В последнее время Э. Бенвенистом¹⁵ было высказано мнение о том, что и.-е. *domos/ *domus означало не только постройку из стен и крыши, но и общественную организацию, семью, причем особое значение придается семантике латинского слова (ср. по семантике и.-е. *uelk'-/*uk'- «дом, поселение»: авест. vīs, греч. οἶκος, лат. vīcus, обозначавшие и «дом как постройку» и экзогамные группировки «деревню, клан»)¹⁶. В пользу этого мнения свидетельствуют и следующие языковые данные: дом составлял общественную группу, стоящую под властью «домовладыки»: ср. арм. tanüter, др.-инд. pātidan и dāmīna, авест. dmaparaiti, лат. dominus, лит. viešpats, др.-греч. δεσπότης.

По-видимому, в эпоху индоевропейской общности существовал синкретизм обоих понятий (ср. первоначальное и.-е. значение, восстанавливаемое Ю. Покорным¹⁷ — *dem- «соединять»). И в более поздние эпохи название страны и живущего там народа нередко обозначается одним и тем же словом [ср. арм. Наук 1) «армяне», 2) «Армения»].

Из терминов, обозначавших части дома, следует отметить следующие. В качестве общиндоевропейского обозначения выступает и.-е. *dhuer- «дверь»: арм. duřn «дверь» < и.-е. вин. п. ед. ч. *dhuřn, прасл. *dvьrъ (во всех славянских), греч. θύρα, др.-инд. durah, алб.

¹¹ «Этимологический словарь славянских языков», т. V, М., 1978, с. 73 (далее — ЭССЯ).

¹² V. Pisani, Il tema baltico *nama („Studi baltici“, 4, 1934—1935, p. 50).

¹³ Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 1, М., 1964, с. 526—527 (далее — Фасмер).

¹⁴ Գ. Ֆ. Առաքելյան, Հայերենի և հնդեվրոպական հին լեզուները, Երևան, 1970, էջ 158.

¹⁵ E. Benveniste, Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes, I, Paris, 1969, p. 293.

¹⁶ К этому же корню некоторыми исследователями, наряду со ст.-сл. вьсь «деревня», возводится также арм. gluř «деревня» < и.-е. *uk'-li, не сохранившее значения «дом как постройка» (Фасмер, 1, с. 305); Հ. Առաքելյան, Հայերեն արմատական բառերի, I, Երևան, 1971, էջ 563 (далее — Առաքելյան).

¹⁷ J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1949—1959, S. 198 (далее — Pokorny).

derē „дверь“, лат. fores „двустворчатая дверь“, тох. В twere „дверь“, др.-ирл. dorus, готск. dair в том же значении.¹⁸ Хотя по форме образования ед. ч. арм. dyfn стоит обособленно, однако во мн. ч. в арм. сохранилась древняя и.-е. форма на *-s: арм. durK, что находит параллели в славянских, балтийских и латинском: ср. мн. ч. прасл. *dvyrī (конечное „s“ выпало согласно закону открытого слога), лит. dūrys, прус. dauris, лат. fores¹⁹. Прасл. *dvьrь характеризуется как первоначальная основа на согласный *dhur-/ *dhur-, связанная чередованием корневого гласного с *dvoгь „двор“; их отношение напоминает разные падежные формы др.-инд. dvarah—мн. ч. вин. п. durah. У индоевропейцев дверь обозначала и часть дома и своего рода границу между внутренним и внешним миром: ср. арм. i durs „вне дома“ в отличие от i nerks „внутри дома“, а также рус. *внутри* и *во дворе* и т. д.²⁰

Однако, как свидетельствуют языковые данные, индоевропейцы не огораживали своих жилищ. Этому не противоречат следующие параллели: ст.-сл. градъ „город, сад“, лит. gardas „ограда“, др.-инд. grhās „дом“, авест. gərəbō „пещера“, алб. garth „забор“, готск. gards „дом“, др.-исл. gerdi „огороженный участок земли“, лат. hortus «сад». По-видимому, первоначально в эпоху и.-е. общности изгородями обводились участки пастбища для выпаса скота и для занятия земледелием (ср. в особенности: лат. hortus, др.-исл. gerdi).

В качестве сутубо локального новообразования, продолжающего и.-е. *ped-/ *pod- „нога“, выступает специализированный термин «пол в жилище», имеющий ограниченное распространение в армянском, славянских, балтийских и греческом языках: арм. yatak <«пол» *pəd-²¹, болг. пол «под», сербх. под «настил», словен. pōd «пол в жилище», лит. pādas, лтш. pāds „пол (каменный)“²², греч. βά-πεδον < *dpr-pedon „пол в жилище“.

Особый интерес представляет эксклюзивная армяно-славянская изоглосса, обозначающая *крышу, кровлю*: и.-е. *stel- — «расстилать, широкий», арм. afastal «крыша, кровля», ст.-сл. *стеля* в том же значении, болг. *стель* «основание под кровлю», др.-рус. *стеля* «потолок»; первичное значение сохранилось в лат. latus «широкий» и прасл. *steljo, *stylati «расстилать, стлать».²³ Поскольку в эпоху индоевро-

¹⁸ *ЦБШУ АН УССР*, I, т. 2, 684; Фасмер, I, с. 487; ЭССЯ, V, с. 171.

¹⁹ Ср. Solta, указ. соч., с. 36.

²⁰ Ср. В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 169.

²¹ *ЦБШУ АН УССР*, III, *брілль*, 1977, т. 9, 386; Solta, указ. соч., с. 51.

²² О. Н. Трубачев, указ. соч., с. 208.

²³ E. Lidén, Donum natalicium Sydow, Oscarl von oblatum, Gotteborgs, Högskolas („Arskrift 30“, 1933, p. 41); F. Miklosich, Lexicon Palaeoslovenico-Craeco-Latinum, Vindobonae, 1862–1865, p. 883; Solta, указ. соч., с. 225; Фасмер, III, с. 759.

пейской общности не было развитого земледелия, поэтому мы не можем утверждать о наличии у индоевропейцев прочных, хорошо устроенных жилищ. На основании языковых данных можно сделать лишь предположение о том, какой был характер построек у индоевропейцев. Материалами для постройки, по-видимому, были глина и дерево, каменные постройки были неизвестны²⁴.

В этом плане интерес представляет и.-е. корень *dheig'h- со значением «месить глину и намазывать ее, лепить стену», который дал разветвленные значения, относящиеся к технике строительного искусства в славянских языках: прасл. *zъdati «строить», *zъdъ «глиняная стена», ст.-сл. зьдѣ «жилище, кров», словен. zidati «класть стену», zīd «стена», др.-рус. зьдати «строить», зьдѣ «глина» и т. д. (ср. др.-инд. dēhī «вал, насыпь», авест. daēzaueiti «огораживает, обносит стеной», греч. τεῖχος «стена», фрак. -δῖος «крепость»). В армянском, где также представлено и.-е. *dheig'h-, подобного развития значений не наблюдается, хотя А. Мейе не исключает в принципе такого значения, как «нагромождать, наваливать землю, чтобы сделать из нее стены» для арм. dīzanem «нагромождать, наваливать», dēz «куча, груда»²⁵.

К технике строительного искусства относится и такая совместная армяно-славянская инновация, как арм. atalj «строевой лес», сербх. *длага*, польск. dłóżka «дощатый пол», чеш.: 1) dláha «лубок», 2) podlahy «бревно, половица», dlažitl «мостить», восходящие к и.-е. *del-, *dól-, *delə- «колоть, раскалывать, расщеплять»²⁶, при ср.-в.-нем. zelge, zelch «ветвь», др.-ирл. dlongid «раскалывает».

Вышеприведенный материал дает основание для следующих выводов. Армяно-славянские схождения в области строительной терминологии выявляют как общеиндоевропейские, так и более узкие ареальные связи. В частности, в области строительного искусства особо важно отметить эксклюзивную армяно-славянскую изоглоссу, продолжающую и.-е. *stel-: арм. afastal и ст.-сл. *стеля*; следует указать и на одинаковые семантические переходы: от общих недифференцированных значений к терминологии строительства: и.-е. 1) *ped-/*pod-: арм. jatak,

²⁴ Искусство делать постройки из камня пришло с Востока через посредничество финикийян. Этот путь отмечен рядом слов: греч. τῦρρις, лат. turris, др.-в.-нем. turri, сербх. *торань* «башня» (ср. также лат. murgus «каменная стена»). Поучительны также археологические факты верхнеиталийских и швейцарских свайных построек эпохи неолита: стены хижин состояли из жердей, поставленных вертикально и оплетенных прутьями для защиты от ветра и дождя. Это сплетение обмазывалось слоем глины (О. Шрадер, Сравнительное языковедение..., с. 429); ср. также В. И. Равдоникас, История первобытного общества, Л., 1947, с. 184—189.

²⁵ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, с. 387.

²⁶ Л. А. Сараджева, Детерминативы в древнеармянском и старославянском языках (ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ «Դրամբար», 1971, № 2, с. 73).

болг. *под*; 2) *del-/dol-: арм. *atalj*, сербх. *длага*, польск. *dlóżka*, чеш. *dláha*.

Приведенные выше армяно-славянские схождения в области строительной терминологии частично отражают терминологию индоевропейской общности, частично развились из корней в результате одинаковых семантических переходов (в связи с общими условиями обитания, одинаковым направлением в восприятии процессов и т. д.). Они проливают свет на протоармянские и раннепраславянские языковые отношения, способствуя выявлению характера первичных реалий в области производственной деятельности индоевропейцев.

ՀԱՅ-ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ ԲԱՌԱԽԱՍՏԱՅԻՆ ԶՈՒԳԱԴԻՊՈՒՄՆԵՐԸ
ՇԻՆԱՐԱՐԱԿԱՆ ՏԵՐՄԻՆԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ

ԼՅՈՒԴՎԻԳ ՍԱՐԱԶԵՎԱ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Շինարարական տերմինաբանության բնագավառի հայ-սլավոնական զուգադիպումները մասամբ արտացոլում են հնդեվրոպական ընդհանրության տերմինաբանությունը (հմմտ. հայ. տուն—նախասլավ. *domъ, հայ. դուռն—նախասլավ. *dvъrъ), մասամբ էլ բացահայտում են ավելի նեղ տարածքային կապեր (հմմտ. հայ. առաստաղ—հ. սլավ. стеля): Առկա են իմաստային միատեսակ անցումներ սկզբնական շտաբբերակված իմաստներից դեպի կառուցվածքային տերմինները (հմմտ. հ.-հ. *ped—«ոտք» արմատից հայ. յատակ և բուլղ. под «հատակ», հ.-հ. *del—«ճեղքել» արմատից հայ. ատաղձ և շեր. dláha «տախտակամած»): Շինարարական տերմինաբանության բնագավառի հայ-սլավոնական զուգադիպումները լույս են սփռում նախահայկական և նախասլավոնական լեզվական առնչությունների վրա, նպաստում համապատասխան իրակությունների բացահայտմանը: